

Культура. - 1997 - 25 сент. - с. 13 20

Рахманинов продолжается

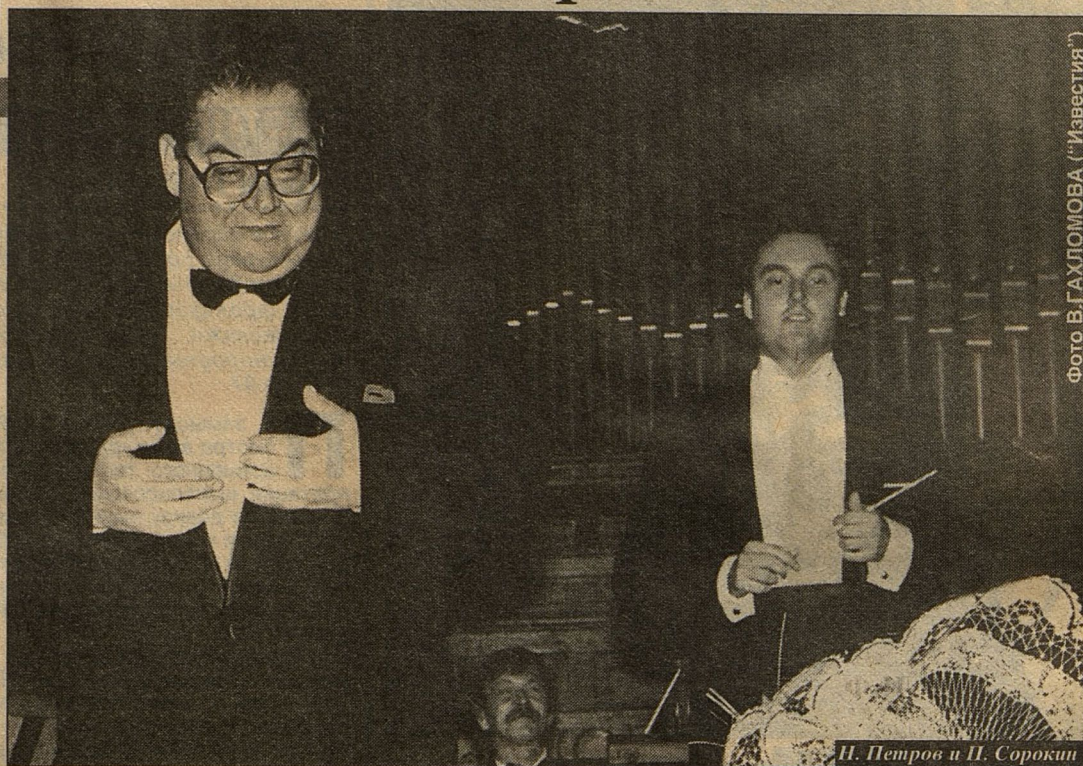
КОНЦЕРТНЫЙ ЗАЛ

Мариам ИГНАТЬЕВА

Две недели подряд Большой зал консерватории до краев заполнялся музыкой Рахманинова. Первый, Второй, Третий фортепианные концерты звучали как "позывные" состязания, носящего имя великого композитора.

Не успел остыть зал от жара развернувшейся схватки, как Рахманинов вновь "заговорил". С рахманиновской программой выступили оркестр Московской филармонии под управлением молодого маэстро Павла Сорокина, нынешней весной ставшего вторым дирижером этого оркестра, не уходя из Большого театра, где он накопил уже солидный исполнительский опыт, и пианист Николай Петров, ни в каких рекомендациях не нуждающийся.

Второй фортепианный концерт Рахманинова чрезвычайно популярен, и не даром. Даже среди рахманиновских сочинений он выделяется богатством художественной образности, острой контрастностью тем, высоким эмоциональным накалом "речи". Исполнение Николая Петрова удивило меня тончайшим — поистине рахманиновским — лиризмом, проникновенностью, возвышенностью. Я всегда воспринимала этого музыканта как выдающегося виртуоза, поражающего блистательной техникой, сверхмощными динамикой игры сверхскоростными темпами, мне виделся в нем блестящий интерпретатор современной музыки, в частности, сочинений Прокофьева, Шостаковича, Щедрина. И вдруг — подлинный Рахманинов. Начиная с интродукции с прозрачно-чистых, едва различимых звуков аккордов, которые, постепенно набирая мощь, начинают вызывать ассоциации с колокольным звоном, — образ, ха-

Н. Петров и П. Сорокин

Фото В. ГАХЛОМОВА ("Известия")

актерный для рахманиновского письма. Богатство палитры пианиста, разнообразие тембров рояля поражает: эпическая широта и гордая мужественная сила, мечтательное раздумье и горячий пафос, сокровенная лирика и страстный порыв — все слышно, все оттенено в его игре. Совершенно покорила средняя часть концерта — Адажио, покорила своей светлой созерцательностью, контрастирующей равно и с лирическим пафосом первой, и с неудержно буйной стремительностью финала. В оркестровых эпизодах оркестр звучал прекрасно — вдохновенно, чисто, с абсолютно точным соблюдением баланса между группами инструментов, играл на подъеме, на нерве. Но порой не было точной согласованности с солистом. Местами расходились в темпах, не получалось гармонии целого. А ведь это концерт для инструмента в сопровождении ор-

кестра. Роль солиста — ведущая, и дирижер должен "прислушиваться" к нему, следовать его замыслу. Может быть, в данном случае слишком ярка была индивидуальность пианиста, чтобы приноровиться к его трактовке и манере игры, или не доставало репетиционных часов, чтобы добиться полной согласованности.

Зато молодой дирижер полностью компенсировал свои просчеты, когда остался "один на один" с оркестром. Вторая симфония считается одним из труднейших произведений в творческом наследии композитора — и в силу ее монументальности (четырёхчастный цикл), и в силу многоохватности образно-тематического материала. Четыре ее части — своего рода музыкальные новеллы или главы повести о человеческой судьбе, о душевных бурях, радостях и горестях. Особенно выразительно звучал оркестр в порывистом

Скерцо (2-я часть) и тонко, проникновенно — в элегическом Адажио (3-я).

Страстный и вместе с тем сурово-сдержанный порыв, без перехлеста, без надрыва: высокая патетика, торжествующее ликование, поток лирических эмоций — таким живописали "портрет" Рахманинова в этой симфонии, живописали свободно, раскованно талантливый молодой дирижер и послушные его воле музыканты оркестра. Тонкое музыкальное чутье, вкус, хорошая школа — понятно, почему из всех дирижеров Большого Мстислав Ростропович, поставив "Хованщину", выбрал своим "прямым наследником" именно Павла Сорокина. Не ошибся, видно!

Концерт был приурочен к выпуску первого компакт-диска маэстро с записью исполненной оркестром филармонии под его управлением музыки Рахманинова. ●